

лезнее ознакомиться с работой Кейнса в хорошем переводе без всяких сокращений, хотя бы и без «критических» замечаний и дополнений Любимова. Думаем, что неправильные мысли Кейнса для нас интереснее, чем правильные рассуждения его комментатора и критика.

Мих. Павлович.

ПЕТР МАСЛОВ. Мировая социальная проблема. Чита. 252 стр. 1920 г.

Новая работа известного экономиста Петра Маслова, автора трудов «Аграрный вопрос», «Теория народного хозяйства», «Капитализм» и т. д., заслуживает, несомненно, серьезного внимания, даже если-б в книге и не было жалоб автора на замалчивание его трудов, непонимание и других косвенных призывов к внимательной экономической критике.

Книга заслуживает серьезного внимания, несмотря на крупнейшие недостатки в изложении и некоторые теоретические и тактические ошибки в коренных вопросах.

Книга посвящена проблеме распределения производительных сил и непонятно, почему носит такой катедер-социалистический подзаголовок. Начало книги читатель может смело пропустить не читая,—это сплошь скучная ненужность на 22 страницах, где автор в стиле либерала 40-х годов говорит о вреде веры в авторитеты. Эта часть искусственно пришта к основному содержанию книги.

Основное содержание книги, если передать его в нескольких фразах, сводится к следующему. Вопрос о распределении производительных сил, о соотношении производительного и непроизводительного потребления имеет огромное значение для каждого типа хозяйства; в частности для капиталистического и особенно для социалистического. Этому вопросу экономическая наука почти не уделяла внимания и гораздо больше занималась проблемами распределения национального дохода. Непонимание проблемы обнаруживалось и в том, что при борьбе рабочих за увеличение заработной платы не обращалось вни-

мания, в какой степени эта борьба задевает не только потребительский фонд самого капиталистического класса, но и тот фонд, который хотя и находится в распоряжении капиталистов, но предназначается для воспроизводства. Мировая война, во время которой произошло огромное перераспределение производительных сил в сторону непроизводительных затрат для фронта, привела к страшному обеднению Европы при внешнем обогащении капиталистических классов. Смысл этой перемены и ее корни не были поняты экономической наукой.

После войны, во время которой воюющие страны жили накопленным за предыдущие годы капиталом, распределение производительных сил остается таким, что огромные массы средств продолжают тратиться на милитаризм, что приводит к дальнейшему проеданию ранее накопленного капитала. Отсюда ошибка социалистических партий и рабочих организаций, которые борются за увеличение доли рабочего класса в национальном доходе вообще, а не за иное распределение производительных сил, при котором были бы устранены огромные траты на милитаризм и другие непроизводительные расходы. Та же проблема неправильно разрешается и в Советской России, где переход власти к пролетариату не привел к развитию производительных сил, где хозяйство падает, издержки аппарата и другие непроизводительные расходы безмерно велики, где, в частности, система разверстки совершенно приостановила развитие производительных сил в мелком крестьянском хозяйстве.

Вывод же такой. И капиталистические страны, и Советская Россия платятся теперь за то, что не могли поставить и разрешить правильно проблему распределения производительных сил и не обратили внимания на соответствующие труды Петра Маслова.

Разберемся в основных положениях автора.

Первая основная ошибка П. Маслова заключается в том, что он находит возможным проблему распределения производительных сил трактовать одинаково и для капиталистического, и для социалистического строя и теоретически, и в

смысле основных практических выводов. Это приводит его, с одной стороны, к крупной теоретической ошибке, а в области практической—к измене делу пролетарской классовой борьбы, поскольку она ведется в капиталистическом обществе. П. Маслов рассуждает таким образом. Вся продукция промышленности, как известно, делится на три основные части: фонд заработной платы, фонд воспроизводства, фонд личного потребления капиталистического класса. Рабочий класс не заинтересован в сокращении второго фонда, потому что это приводит к задержке развития производительных сил, а благодаря сокращению продукции ведет к сокращению того, что вообще может подлежать распределению. Поэтому борьба за увеличение доли рабочего класса должна быть по третьему, а не по второму фонду, а главная цель борьбы должна заключаться в сокращении непроизводительного потребления буржуазных классов, а потому—поскольку дело идет о распределении производительных сил в стране—к сокращению рабочих сил и орудий производства, выделяемых для обслуживания непроизводительного потребления, с тем, чтоб большая часть переливалась в отрасли, обслуживающие потребление производительные.

Это кабинетное расписание правил классовой борьбы опрокидывается и теорией и практикой рабочего движения, опрокидывается и самим автором, как увидим ниже. Сначала о теории. Уже сам автор в другом месте книги подчеркивает, что понятие непроизводительного потребления является относительным. Потребление одних предметов при низкой продукции хозяйства может считаться роскошью, при гораздо более высокой ступени развития производительных сил может считаться потреблением производительным, необходимым или, во всяком случае, не роскошью. Возьмем такой пример. «Потребление» автомобильных шин и горючего комиссаром, перевозящим на грузовике мебель на дачу за 50 верст, когда нехватает транспорта для перевозки картофеля с вокзала в склады Наркомпрода, есть непроизводительное потребление при нашей нищете. Наоборот, покупка аме-

риканским рабочим автомобиля, на котором он ездит ежедневно на работу, а по праздникам—отдыхать за город в Чикаго или Нью-Йорке, в условиях продукции американской промышленности не является непроизводительным потреблением. Но раз так, то не правильней ли понятия непроизводительного потребления поставить в связь со всей данной *системой хозяйства в целом?*

Понятие производительного и непроизводительного труда, как и понятие производительного и непроизводительного потребления, совершенно различны для капиталистического и для социалистического общества. Является ли труд рабочих, строящих броненосцы в данной капиталистической стране, производительным трудом? Для П. Маслова это очень ехидный вопрос. В последних главах книги он много распространяется о той непроизводительной растрате средств, которая вызывается усиленным вооружением после войны, а перед этим автор, желая оправдать свою патриотическую позицию в период империалистской войны, подыскивает аргументы за оборону страны. Как же это так? Если оборона нужна, то ведь нужны и пушечные заводы.

Я не знаю, что ответит П. Маслов на этот вопрос, но для нас совершенно очевидно, почему он попал в такое противоречие. Он пытался занять какую-то подзвездную теоретическую позицию над капиталистическим и социалистическим обществом и взялся обучать людей правильно распределять производительные силы, независимо от того, пролетариат или буржуазия стоит у власти. Между тем в капиталистическом обществе производительные силы распределяются таким образом, что часть идет на воспроизводство продуктов «необходимого» потребления, орудий производства и производительное накопление, часть на обслуживание непроизводительного потребления класса капиталистов, часть на поддержание всей капиталистической системы в целом. Производительны ли траты современной Франции на милитаризм? С точки зрения социалиста и коммуниста—непроизводительны. Но для капиталистической системы Франции эти траты нужны, потому что поддерживают

данный, т.-е. выгодный для буржуазной Франции, status quo Версальского мира. И когда П. Маслова попросили сойти в дни войны с теоретической высоты и ответить на простой вопрос: надо ли бить немца, он ответил: «надо оборонять страну», что для пушечных заводов одинаково означает расширение их производственной программы. Иными словами, П. Маслов стал на точку зрения данной, т.-е. буржуазно-помещичьей, системы; и с точки зрения данной системы ответил положительно на тот самый вопрос, на который на других страницах книги, как социалист, отвечает отрицательно.

Возьмем дальше — фонд непроизводительного потребления буржуазии. П. Маслов рекомендует рабочим добиваться увеличения заработной платы за счет этого фонда, а не за счет фонда воспроизводства. Но как это сделать? Ведь и тот и другой фонд находятся в руках капиталистического класса, ответственного (если можно так выразиться) за весь ход производства в целом. Не станут же рабочие металлургического завода, объявившие стачку, требовать увеличения заработной платы, но обязательно за счет того фонда, на который данное капиталистическое общество содержит дамские корсетные мастерские или шикарные магазины бриллиантов. А самый вопрос об уничтожении непроизводительных расходов практически можно поставить лишь с переходом к плановому хозяйству, что предполагает завоевание власти пролетариатом. Но рецепт П. Маслова, ничего не давая пролетариату, даст богатейший материал буржуазии против экономической борьбы рабочих вообще. Не плохо, а очень хорошо, что до сих пор экономическая борьба рабочего класса развивалась не по рецепту Маслова. Даже в тех случаях, когда увеличение заработной платы происходило иногда не только за счет третьего, но и второго фонда, это заставляло капиталистов уменьшать издержки производства путем улучшения техники и в общем двигало вперед экономическое развитие. Если же теперь массовая стачечная борьба, как, например, недавняя стачка английских углекопов, подрывают производительные силы капиталистического общества, то

это лишь ускоряет момент его ликвидации, и неприлично социалисту плакать по этому поводу, хотя бы и теоретическими слезами. Всякая хорошая вещь, и в том числе хорошая пролетарская революция, дорого стоит. Я думаю и П. Маслов должен будет, подумавши, признать (если правда, что он социалист), что издержки революции нельзя причислить к непроизводительным издержкам человеческого общества.

Основная причина падения производительных сил в мировом буржуазном хозяйстве—это капитализм.

Основное решение проблемы—социальная революция.

Между тем, при чтении книги П. Маслова создается впечатление, что если бы капитализм смог принять действительные меры против непроизводительного потребления, то этим «мировая социальная проблема» была бы решена. П. Маслов много издевается над нашим планом электрофикации, считая его утопичным при нашей нищете и не учитывая, что этот план поставлен в зависимость от подъема всего производства и рассчитан на 10 лет. Но если наш план электрофикации—утопия, то эта утопия есть ничтожная мелочь, в сравнении с мелкобуржуазной утопией П. Маслова о возможности спасения капитализма по предложенному им рецепту.

Но П. Маслов не только не одобряет социалистов и рабочих, которые в стачечной борьбе покушаются на фонд воспроизводства при капиталистическом обществе (увы, социалисты Амстердама, кажется, выше этих упреков даже в отношении фонда потребления капиталистического класса), но и упрекает меньшевиков за подстрекательство рабочих, к таким требованиям, выполнить которые пролетарское государство не может без вреда для восстановления промышленности. Упреки меньшевикам правильны лишь постольку, поскольку в России существует диктатура пролетариата. Вообще же позиция П. Маслова выгодна для господствующего капиталистического класса.

П. Маслов подчеркивает не раз, что он только экономист, а не политик, и что его выводы есть лишь объективные выводы научной теории. Однако, его по-

пытка занять какую-то архивозвышенную позицию бесстрастного наблюдателя над капитализмом и социализмом, над буржуазией и пролетариатом терпит самое жалкое фиаско.

Во-первых, П. Маслов, как не народник и не идеалист, а почти марксист, должен был бы знать, что таких позиций в классовом обществе вообще не бывает: сидеть на воздухе—противоречит законам физики. Сидеть же на земле возможно лишь занимая стул в ряду какого-либо класса. На классовой земле тесно—все места давно разобраны, и кто даже уселся бы между двух стульев, то эти стулья все же, в конце-концов, есть классовые стулья. А во-вторых, П. Маслов говорит не правду, будто он не политик потому, что делает ряд политических выводов из теоретических построений и даже по вопросу об участии в войне высказывался и теперь высказывается определенным образом, т.-е. что надо было «оборонять» милюковско-гучковскую Россию от тех, кто не желал отдавать даром Константинополь и Галицию. Разве это не политика? П. Маслов—политик, но только плохой политик, если не сказать больше.

Весьма характерной чертой автора является его необычайное самомнение при изрядном невежестве по части экономической литературы последних лет—европейской и русской.

Так, например, он тоном человека, только что открывшего Америку, говорит о том, что никто до сих пор из экономистов не сумел объяснить причин разорения Европы, и никто не догадался, что основная причина заключается в употреблении огромного количества рабочих сил и материальных средств производства на обслуживание войны, т.-е. на хозяйственно непроизводительную трату средств. Он пишет: «Ни рабочий класс, ни буржуазия, ни экономисты не замечали тех хозяйственных процессов, которые происходили за спинами производителей: процессов общего сокращения производительных сил страны и ее капитала, благодаря изменению характера потребления производимых продуктов». Если бы автор интересовался не только экономической, но хотя бы брошюрной политической и газетной лите-

ратурой Запада, он узнал бы, что все это давным-давно известно, и соответствующие места его книги вызывают лишь улыбку жалости со стороны тех, кто считает автора на основании прежних работ крупнейшим и часто весьма оригинальным экономистом-теоретиком.

Теперь о критике нашей экономической практики. Автор пишет: «Основываясь на изучении политической экономии, социалисты-большевики в России попытались организовать хозяйство на новых началах. Им казалось, что организованное на этих новых началах хозяйство должно окрепнуть и развиваться, если в их руках находится власть регулирующая хозяйственные отношения. Между тем, производительные силы народного хозяйства продолжают падать с катастрофической быстротой, и экономическая наука пока не дает этому удовлетворительного научного объяснения» (стр. 26).

Читатель знает, что и без экономической науки из Читы у нас сотни раз выяснялись все причины нашей хозяйственной разрухи, несмотря на приступ Советской власти к плановому хозяйству. Мы знаем теперь наше государственное хозяйство в точных цифрах, знаем, как распределяются наши ресурсы, и ни для кого никогда не было тайной, что государство, содержащее 5-миллионную армию и 3 миллиона рабочих без достаточного продовольствия для последних,—не может поднять производительные силы, пока длится война.

Наоборот, теперь при продовольственных ресурсах в два раза меньших, чем прошлый год, мы имеем несомненный подъем промышленности, к сожалению, упирающийся в ограниченность продовольственных ресурсов сельского хозяйства. Что касается критики нашей продовольственной политики и описания ее вредных последствий для сельского хозяйства, то в этой критике автор прав. Но тот факт, что эту политику *после войны* мы изменили еще до появления в свет книги П. Маслова, доказывает, что в Советской России живут не одни только дураки. И наоборот, если бы П. Маслов написал свою книгу в 1918 г., то это ни на йоту не изменило бы хода событий, в частности в деле проведения той

продовольственной политики, которая была объективно необходимой для военной победы пролетариата.

Что касается полжительного научного содержания книги, то оно весьма значительно, хотя уступает предыдущим трудам автора. Если и неверно утверждение П. Маслова, что проблемой распределения производительных сил марксистская политическая экономия почти не занималась, — достаточно вспомнить 2 том «Капитала», книгу Р. Люксембург «Накопление капитала», «Развитие капитализма в России» Ленина, «Экономику переходного периода» Бухарина, работы Парвуса, Варги и т. д., тем не менее автор в этой области имеет несомненные заслуги и в ряде вопросов научный приоритет. Несомненно, что и проблема потребления, которой автор занимался не с целью опрокинуть теорию ценности, как это делали буржуазные экономисты всех мастей, а с целью связать законы массового потребления с законами производства и распределения, им поставлена во весь рост, хотя ряд положений автора в этой области и подлежит спору. В частности автор преувеличивает влияние законов потребления на производство и недооценивает влияния *распределения* на размеры и характер массового потребления различных классов, а следовательно, влияние *распределения национального дохода на распределение производительных сил*.

В конце книги автор, без лишней скромности, пытается напомнить читателям, сколько раз он оказывался прав в споре с тов. Лениным. В частности он пишет: «В 1902 г. я выступал в печати против аграрной программы Ленина, принятой с.-д. партией в том же году. В 1906 г. его программа была отвергнута». П. Маслов в своем безграничном самомнении искажает всем известные факты из истории нашей партии. В 1902 г. он возражал против *одной* аграрной программы Ленина (с отрезками), а в 1906 году на Стокгольмском съезде Ленин от фракции большевиков защищал *другую программу*, не «отрезки», а национализацию земли. Можно ли так путать?

Меньшевистским большинством объединительного съезда национализация, за-

щищавшаяся т. Ленином, была отвергнута, но зато она была принята рабоче-крестьянским большинством страны в Октябрьскую революцию и остается неизблемой до сих пор, тогда как муниципализация так и осталась кабинетной выдумкой П. Маслова.

Несмотря на все свои недостатки, книга заслуживает переиздания в центре России, даже Госиздатом, особенно, если автор сделает необходимые поправки на основании более обстоятельного знакомства с хозяйством Советской России и если выбросит не нужные повторения одного и того же одними и теми же словами, что слишком часто встречается в книге. От этого, не в ущерб содержанию книги, можно было бы текст сократить по крайней мере на 1/3, что для Советской России, с ее бумажным кризисом, было бы весьма полезно в смысле борьбы с «непроизводительным потреблением», о которой так много говорит автор.

Е. Преображенский.

КАРЛ БАЛЛОД. (Атлантикус). Государство будущего. Перевод со 2-го нем. изд. А. и И. Рубиных. Москва. Госуд. Изд. 1921 г. Серия Центросоюза. Стр. 178.

Книга Атлантикуса, вышедшая первоначально больше 20 лет назад с предисловием Каутского, была встречена, как одна из обычных социалистических утопий. Между тем уже тогда она резко отличалась от всех прежних утопий *конкретностью и реальностью* своих основных положений и расчетов. Как правильно указывает сам автор в предисловии к новому изданию, его «сочинение не представляет собою агитационного излияния одаренного фантазией писателя, *не является беспочвенной утопией*, в обычном смысле, но *есть попытка научного синтеза целостной формы народного хозяйства* ¹⁾ из отдельных составных частей, уже теперь известных и применяемых, но в существующей капиталистической системе хозяйства не собранных в одно целое, потому что это противоречило бы интересам господствующих классов».

¹⁾ Курсив автора.